

изучались. В этой связи научное исследование обязательств донских казаков имеет важное значение, особенно с учетом возрождения в России института казачества.

Литература

1. *Краснов С.Ю.* Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX в. (историко-правовой аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
2. *Сватиков С.Г.* Россия и Дон. Ростов-на-Дону, 2013.
3. *Тимощенков И.В.* Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Во-

йска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.

4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. I.
5. Сведения о казачьих общинах на Дону: Материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. М., 1885.
6. *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.
7. *Марков К.В.* Крестьяне на Дону // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1915. Вып. XIII.

УДК 394.0(471.632)

Абайханова П.И.

ПРИСЯГА В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ КАРАЧАЯ

Статья посвящена изучению специфики древнейшего традиционного института очистительной присяги у народов Северного Кавказа, в частности у карачаевцев. Особое внимание уделено истокам и становлению древнего обычая, в том числе более ранним формам очистительной присяги как показания свидетелей. Автором показано, что присяга была решающим элементом дознания. Актуальность исследования обусловлена тем, что присяга, как важнейший вид судебного доказательства в период господства родоплеменных отношений, до сих пор вызывает огромный интерес у современных исследователей.

The article is devoted to studying the specifics of the ancient traditional institution of the purification oath of the peoples of the Northern Caucasus, in particular in Karachay. Special attention is paid to the origins and formation of the ancient custom, including the earlier forms of the purification of the oath, as the testimony of witnesses. The author shows that the oath was a crucial element of the inquiry. The relevance of the study due to the fact that the oath as the most important type of court evidence in the period of tribal relations is still great interest to modern researchers.

Ключевые слова: присяга, клятва, институт, судопроизводство, родственники, суд, иск, закон, свидетели.

Keywords: oath of allegiance, the oath, the Institute, the justice, the relatives, the court, lawsuit, law, witnesses.

Одним из колоритных традиционных институтов горских народов Северного Кавказа является процесс очистительной присяги. Имея много сходных черт, процесс очистительной присяги у различных народов имел свои особенности. В этой связи для полноты картины остановимся на более ранних формах этого древнего института у карачаевцев. Так, согласно фольклорным данным у карачаевцев

прослеживается существование в период язычества несколько необычной формы клятвопринижения – Сынджыр Тёре (дословно Тёре – суд, Сынджыр – цепь – П.А.) [1, с. 61 – 63]. Этот вид присяги можно рассматривать как испытание цепью, спущенной Богом для свершения подлинного суда. Провинившийся, чтобы доказать свою невиновность, должен был обмотать руку предполагаемой священной це-

пью и поклясться в несовершении того или иного поступка. В случае лжеприсяги подозреваемую личность должна была поразить смерть, а цепь согласно легенде подняться обратно в небо. Весьма интересна другая форма присяги, которая произносилась в центре креста, начерченного на земле. Об этой форме присяги читаем у И. Иванюкова и М. Ковалевского следующее: «Начертав на земле круг, татарин (балкарец или карачаевец. – П.А.) острием своей палки проводит по нему крест на крест две черты и, став в середине круга, там, где пересекаются линии, должен произнести клятвенное обещание» [2, с. 178]. Третьей формой клятвы из более ранних ее видов является так называемая «палочная присяга» [3, с. 211]. В отличие от первых форм данная присяга произносилась строго перед судом Тёре. «Присяжную палку» брали за оба конца старейшины и пропускали под палкой подозреваемого, который должен был прилюдно поклясться. Лжеприсяга, произнесенная правонарушителем перед судом, завершалась для него летальным исходом.

Дальнейшее развитие карачаевского судопроизводства непременно было связано с очистительной присягой (карач. – ант), которая имела крайне важное значение для судебного процесса по адату. Главными участниками судебного разбирательства являлись истец, ответчик, свидетели (шагъат), доказчик (айрахчы). Если на судебный процесс приглашали ответчика, то обязательным было присутствие и его защитника (екуля).

Важно отметить, что женщины к судебным разбирательствам привлекались крайне редко, так как их показания серьезно не воспринимались. В крайнем случае показания женщины мог озвучить в качестве уполномоченного мужчина. И только в тех судебных процессах, когда совершенно не оказывалось мужчин – свидетелей, прислушивались к показаниям женщин, но только в том случае, если они заверялись подтверждением кого-либо из родственников. Приносилась клятва – присяга в качестве доказательства в специально отведенных местах. Это могла быть мечеть, где проводились такого рода процессы. По этому поводу, Б.А. Шаханов сообщает интересный факт, что в качестве определенной установки на суде по адату использовалась своеобразная норма «тажге-шагъат», которая приравнивалась к показанию одного свидетеля, если двое мужчин со слов очевидца свидетельствовали на суде [4, с. 151]. Следует отметить, что для

более поздних форм присяги у карачаевцев характерно также несколько видов. В первой половине XIX в. присяга подразумевала собой личную клятву в невиновности ответчика или обвиняемого на суде. Принималась она в исключительных случаях, когда свидетельских показаний было недостаточно для установления непричастности или причастности человека к тому или иному правонарушению. Данная форма присяги характерна для Карачая после распространения ислама. Об этом свидетельствует торжественная обстановка, в которой ответчик произносил присягу. Перед ее произнесением звучала наставническая речь муллы, «поясняющего присяжнику всю ответственность, которую он принимает на себя присягой, и те кары, которыми не преминет его поразить Аллах, если он покажет ложно» [5, с. 42]. После внедрения мусульманского права слова присяги произносились на Коране на карачаевском языке. К примеру, в Баталпашинском горском словесном суде, которому подлежали судебные дела карачаевцев, свидетели присягали следующим образом: «Перед Алкораном Великого Бога, воспреещающего давать ложное показание, обещаюсь и клянусь в том, что по делу, по которому буду спрашиваем, покажу сущую правду и открою истину, несмотря ни на дружбу, родство, вражду и корыстные виды. Биллаги, Таллаги, Валлаги. Аминь. О Господи миров!» [6, с. 96].

Для второй половины XIX века более характерна другая форма присяги, суть которой сводилась к очищению посредством представителей атаулов (атаул ант) и посторонних лиц, настроенных писать в пользу обвиняемой личности. К 60 – 70 гг. XIX в. такая форма доказательства была запрещена русской администрацией, по мнению которой привлечение к присяге представителей атаула способствовало увеличению ложных присяг, вследствие чего росло и количество преступлений. Заметим, что представители атаула фигурировали в тех случаях, когда вопрос стоял об уголовном преступлении. Несмотря на то, что российская администрация была против данной формы присяги, сами карачаевцы считали ее чрезвычайно полезной для выяснения истины в уголовных делах, и количество ложных присяг, по их мнению, продолжало расти в связи с несовершенной организацией этого института. Дальнейшее исследование вопроса показало, что обвиняемый был вправе выбрать представителя

атаула на свое усмотрение и быть уверенным в том, что он выступит на его стороне.

Впоследствии организация присяжного процесса с участием представителей атаулов была реформирована и в этой связи несколько преобразована. Преобразования в данном процессе были связаны с выработкой гарантии в абсолютной объективности представителей атаулов. Кроме того, реформа предоставляла более широкие возможности в пользу обвиняемого, который теперь имел возможность пригласить на судебный процесс в качестве защиты трех свидетелей, один из которых, по выбору подозреваемого, мог в его поддержку произнести присягу. Институт соприсяжников в Карачае, — пишет Б.В. Миллер, — напоминал «ту же ступень в развитии института соприсяжников в древнем германском процессе» [5, с. 42]. Несмотря на реформирование присяжного процесса, были случаи, когда соприсяжников назначали уважаемые люди, пользующиеся большим авторитетом как в обществе, так и у судей. В этих случаях строго назначались по два представителя с атаула, одного из которых правонарушитель выбирал для своей поддержки.

Важной деталью судебного процесса являлось одинаковое социальное положение представителей атаулов и обвинителя. Были случаи, когда представителей атаулов выбирали судьи, но это не гарантировало их защиту в пользу обвиняемого. Этим объясняется совершенный характер очищения присягой, избавляющей присягающую сторону от ложных свидетельств и коренным образом отличающуюся от присяги древнего права.

Общеизвестно, что согласно древнему праву присяга являлась не только клятвенным обещанием говорить на суде только лишь правду, но и своего рода испытанием. Если с этой точки зрения рассмотреть «карачаевскую судебную практику, присяга в карачаевских судах была совершенно самостоятельным, отдельным видом доказательств, способным раскрыть истину не хуже, если не гораздо лучше всяких свидетелей. Что касается атаулов, то они являются с характером не поручителей в добром имени ответчика, а свидетельствуют самый факт, утверждаемый последним, и своей присягой заменяют клятву самого обвиняемого» [5, с. 42], — констатирует Б.В. Миллер.

Важно также отметить, что во второй половине XIX в. в качестве представителей атаулов выдвигали

лись не родственники, как это было в более ранние периоды, а совершенно посторонние лица, которые давали присягу не вместе с обвиняемым, а вместо него. Все это свидетельствует о трансформации древнего института и о его окончательном вырождении вследствие отсутствия родовых связей.

К 1870 г. согласно материалам Учкуланского суда присяга представителей атаулов в карачаевских судебных процессах была практически упразднена, хотя общий ход судебного процесса не был полностью трансформирован. Изменились некоторые детали, благодаря которым теперь судьи вначале выслушивали взаимные объяснения сторон, затем содержание этих прений фиксировалось в краткой форме секретарем суда и заносилось в специальный журнал. В зависимости от решения суда обе стороны должны были привести свои доказательства по предъявляемому иску для истца или обоснованности своих возражений для ответчика. Постановление, выносимое на карачаевских судебных процессах, было аналогичным «условным приговорам древних германских судов», — пишет Б.В. Миллер [5, с. 42].

Следует отметить, что со временем процесс очистительной присяги приобрел более широкое применение. Так, если в более ранние периоды истории карачаевцев процедура присяги связывалась только с кровной мстью, являвшейся действенной мерой там, где сохранили силу родовой быт и солидарная ответственность всех членов за одного и одного за всех, то в начале XIX в. очистительная клятва применялась уже при иных правонарушениях. К примеру, это мог быть захват фамильной земли представителями другой фамилии. В таких случаях дело рассматривалось судом по адату и, чтобы подтвердить свое право на данный участок земли, приходилось присягать всей фамилией.

Любопытный случай, связанный с захватом земли, приводит Б.В. Миллер, лично изучивший историю традиционного судостроительства и судопроизводства Карачая на основе архивных материалов. По данным Б.В. Миллера, инцидент произошел между представителями фамилий Голаевых и Чотчаевых в ауле Хурзук. Это подтверждается материалами Хумаринского (Баталпашинский горский) словесный суд находился в Хумаринском укреплении, — ныне п. Новый Карачай) судебного архива от 30 декабря 1879 г. [5, с. 42]. В жалобе, подготовленной Таусолтаном Голаевым, читаем: «На кото-

рой земле я и ближайшие родственники мои живем и владеем несколько десятков лет, земля эта была занята моими дедами, даже прадедами, которых я даже припомнить могу. Лет же тому назад 30 или 40 жители аула Хурзука, Чотчаевы, как в большом количестве их фамилия против фамилии нашей и из зависти, желали таковую от нас совершенно отбить и уже один раз насильственным образом землю ту вспахали и засеяли хлебом, который хлеб дедом и другими родственниками моими был избит и потравлен, о чем тогда же был назначен между фамилией Чотчаевых и нашей, по тогдашнему обычаю нашему, народный суд, который разобрал так: как – та земля была занята коленом Голаевых, а не Чотчаевых, следовательно, последнее и не имело на то право, причем и было предложено Чотчаеву колену принять присягу о том, что была ли земля та занята когда-нибудь коленом Чотчаевым, которое от принятия присяги совершенно отказалось, почему фамилия наша до 1878 года тою землею пользовалась беспрепятственно» [5, с. 42]. Нетрудно заметить, что документ свидетельствует о значимости присяги и в равной степени ответственности всех членов фамилии, участвовавшей в захвате чужой земли.

Безусловно, окончательный приговор суда на карачаевских процессах являлся неминуемым логическим следствием совмещения тех или иных свидетельств, обусловленных предварительными доказательствами, представленными заранее. Подобный ход дела был характерен как для уголовных, так и для гражданских процессов.

Наряду с этим, достаточно сильны были отличия в доказательствах между уголовными и гражданскими делами. Если в гражданских делах ответчика не заставляли предъявлять доказательства против иска, не подтвержденного двумя свидетелями, то в уголовных делах (кража скота, имущества и т.д.) с ответчика требовалось назначить за себя представителя атаула – очистителя, благодаря которому он мог быть оправдан. Как отмечает М.М. Ковалевский, «в древнем германском процессе ближе к доказательству стоял истец, могущий подтвердить свою жалобу свидетелями, если же он того не делал, то ближе к доказыванию стоял ответчик, который и пользовался своим правом, принося очистительную присягу, обыкновенно с соприсяжниками. Нельзя ли и карачаевскую судебную практику объяснить переживанием того древнего процессуального правила, по которому при необоснованных уголовных

исках ближе к доказательству стоял ответчик. Ведь подобное распределение доказательств мы находим во многих древних процессах, так как оно характеризует не столько чей-нибудь национальный дух, сколько известную стадию общественного развития, когда состязание сторон перед судом еще сохраняет в себе черты прежней внесудебной борьбы за свои права» [7, с. 126].

Мы солидарны с мнением М.М. Ковалевского и считаем, что именно суд был полномочен рассматривать все виды доказательств в порядке их поступления. В гражданских исках присягать мог сам обвиняемый. Что же касается правонарушений уголовного характера, то присяга самого обвинителя без показаний двух приглашенных свидетелей не могла считаться законной. Тем не менее тогда, когда обвиняемый не мог найти ни одного свидетеля, суд в исключительных случаях полностью его оправдывал. Такое решение суда могло быть связано с кражей скота или лошадей. В связи с отдаленностью друг от друга аулов только по счастливой случайности потерпевший мог привести на суд свидетелей, могущих доказать факт преступления.

Об этом свидетельствует судебное решение, выявленное в горском суде а. Учкулан: «Кораби Боташев приносит жалобу на одноаульца Уртабая Боташева в том, что последний с коша Кораби украл трех баранов. Уртабай себя в том виновным не признает. Суд, не имея в доказательство свидетелей, определил Кораби Боташеву в течение трех дней достать суду свидетелей, но так как таковой их не достал, то для ясности преступления было определено Уртабаю Боташеву поставить в невинности своей за себя атаула, которого Уртабай также не доставил, ввиду этого суд определил Кораби Боташеву в течение 10 дней доставить оценщиков стоимости его баранов для взыскания с Уртабая» [5, с. 42]. Таким образом, несмотря на отсутствие доказательств, суд признает Уртабая Боташева виновным в краже баранов. И в данном конкретном случае лишь, формально, для ясности преступления от виновного требуется найти за себя очистителей, не сумев их найти, Уртабай подтвердил свою виновность. С точки зрения современного процесса в карачаевских судах истина выявлялась весьма странным способом. В данном случае ответчик обвиняется, потому что «не сумел отразить нападение обвинителя предоставленным в его распоряжение средством борьбы – присягой атаула» [5, с. 42].

В этом плане интересно наблюдение М.М. Ковалевского, который описывает аналогичный процесс очистительной присяги у осетин. «Осетины прибегают к ней, – пишет М.М. Ковалевский, – даже тогда, когда дело еще и не дошло до суда. В случаях кражи скота или угона лошадей потерпевший считает себя вправе обратиться к любому из своих соплеменников со следующим заявлением. Дело мое никуда не должно направляться от тебя, сердце мое неспокойно в отношении к тебе; подозревать мне некого, кроме тебя, потому я требую выполнения тобою обычая страны. Тот, кому сделано такое обращение, считает себя обязанным явиться в суд и принять здесь очистительную присягу, один или с большим или меньшим числом родственников. Обычай очень характерный и хорошо характеризует ту ступень общественного развития, когда отдельное лицо, поддерживаемое своей родовой группой, противостояло таковому же, когда идея объективного суда еще не зарождалась, и исполнение «обычая страны» предупреждало самоуправство» [7, с. 28].

Следует отметить, что в расследовании дел гражданского характера свидетельские показания на карачаевских судебных процессах были весомей, чем в уголовных процессах. В гражданских процессах атаулы заменялись законодательным актом в качестве присяги ответчика. Если присяга ответчика одобрялась судом, то истец окончательно проигрывал процесс.

Таким образом, основными чертами присяжного процесса у карачаевцев можно признать судебные доказательства, включающие в свой состав показания свидетелей, очистительную присягу и

вещественные подтверждения. Важную роль играли представители атаулов, выступавшие на судебных процессах в качестве соприсяжников. При отсутствии мотива иска присяга ответчика не являлась гарантом и решение суда склонялось в пользу истца. Если истец не был доволен решением суда, он освобождал ответчика от присяги, представляя нужные доводы в свою пользу. Важно подчеркнуть, что лжеприсяга (клятвопреступление) по степени тяжести приравнивалась к убийству. Значимой деталью можно признать то, что показаниям женщин не придавалось значения и они были отстранены от присяги (кроме исключительных случаев, как совершенное отсутствие свидетелей).

Литература

1. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1987.
2. Цит. по: Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
3. Народное творчество балкарцев и карачаевцев. Нартский эпос. Мифологическая и обрядная поэзия. Нальчик, 1988.
4. Шаханов Б. Горский словесный суд // Избранная публицистика. Нальчик, 1991.
5. Миллер Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение. 1902. № 2.
6. Рейнке М.Н. Горские словесные суды Кубанской области. СПб, 1912.
7. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I-II. М., 1890.

УДК 394.0(471.632)

Абайханова П.И

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В КАРАЧАЕ В XIX ВЕКЕ

В статье представлен результат исследования наследственного права в карачаевском обществе в XIX веке. В ходе исследования на основе материалов по обычному праву карачаевцев выявлена специфика наследственных правоотношений, прослежена их эволюция.

The result of research of the law of succession is presented in the article in karachayan society in the XIX century. During research, on the basis of materials on a common law of karachayan specifics of hereditary legal relationship are revealed, their evolution is tracked